

решающим был личный выбор короля, а не мнение парламента. Поэтому центром политической жизни Англии, следует считать именно двор. Дебаты в парламенте могли иметь значение, однако главные баталии разыгрывались в кабинете короля.

Между 1688 и 1832 гг. реальной трансформации в парламентскую монархию не произошло, поскольку прерогатива отнюдь не уступила место парламентской санкции. Возможность выбора персоны короля со времен Славной революции не отменяла божественного характера самого института монархии. Если идея установить режим ограниченной (парламентской) монархии и существовала, то Вильгельм III и Георгий об этом не подозревали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Stubbs W.* The Constitutional History of England. L. 1874–1878. Vol. 1–3.
2. *Гутнова Е.В.* Из истории становления английского парламента. В кн.: Парламенты мира. – М., 1990.
3. *Sayles G. O.* The King's Parliament of England. L., Edward Arnold, 1975.
4. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии в раннее Новое время. – СПб., 2003.
5. *Dean J. N.* (ed.). The Parliaments of Elizabethan England. L., Basil Blackwell, 1990.
6. *Cannon J. F.* Aristocratic Century. Cambridge University Press, 1984.
7. *Miller J.* The Potential for «Absolutism» in Later Stuart England // History, 69, 1984.
8. *Doyle W.* The Old European Order. Oxford University Press, 1978.
9. *Black J.* British Foreign Policy in the Age of Walpole. L., 1985.

Клочков Виктор Викторович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге
E-mail: klochkov@tsure.ru

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44, тел. 31-14-27

Заведующий кафедрой теории права.

Klochkov Viktor Viktorovich

Taganrog Institute of Technology - Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education «Southern Federal University»

E-mail: klochkov@tsure.ru

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia, ph. 311-427

Head of the Department of Law Theory.

ББК 67.3

В.В. Клочков

АНГЛИЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В ИСТОРИИ ПРАВА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье анализируются основные типологические признаки абсолютизма и проблема абсолютизма раннего Нового времени в историографии. Указывается, что в раннее Новое время абсолютные монархии не походили на аристократии XIX в.: в них преобладал консультативный элемент, они были более конституционными и патриархальными.

Абсолютизм, раннее Новое время.

Victor V. Klochkov

ENGLISH ABSOLUTISM IN LAW HISTORY: MYTHS AND REALITY

The basic typological signs of an «absolutism» in the early Modern age in a historiography are analyzed in the article. It is underlined, that during early Modern period absolutism did not resemble on aristocracy of XIX century. In the monarchies of the period the advisory element prevailed, they have been more constitutional and patriarchal.

Absolutism, early Modern Age.

Исследование истории английской монархии в раннее Новое время – несомненная исследовательская проблема. В интересах консенсуса историки права продолжают сглаживать оттенки реальности, применяя термин «абсолютный» по отношению к любому монарху, который обладал властью большей, чем считается необходимым сегодня. Проблема заключается в том, что трудно определить, что именно историки и историки права зачастую подразумевают под терминами «абсолютный» и «абсолютизм». Очевидно, что они не согласовывали своих определений.

Фактически происхождение этих двух слов совершенно различно, и очень важно не смешивать их. Слово «абсолютный» часто употреблялось в раннее Новое время, термин «абсолютизм» был почти неизвестен до 1820-х гг. Именно он является предметом исследования в данной статье, хотя без слова «абсолютный» здесь обойтись также невозможно.

Термин «абсолютизм» неразрывно связан с четырьмя утверждениями.

Во-первых, абсолютизм по сути своей деспотичен. При нем ущемляются права и привилегии подданных и попирается мнение тех учреждений, которые были призваны их защищать. Абсолютизм – враг свободы.

Во-вторых, абсолютизм автократичен. Он не обращается к консультативным механизмам, диалог при таком режиме не поощряется, а принятие решений централизовано. Государи отодвигают на второй план сословные представительства и корпоративные организации, через которые ранее осуществлялся обмен мнениями с властными группировками. Власть монополизирована монархом и теми, кому он ее делегирует.

В-третьих, абсолютизм бюрократичен. Он действует независимо от корпоративных организаций, обладающих собственной властью и интересами. Используя агентов, зависящих только от короны, будь то чиновники или «новые люди», не связанные со знатью, абсолютные правители отделяют себя от общества и лишают народ возможности саботировать их повеления.

В-четвертых, абсолютизм никак не связан с английской монархией. Историки-виги решили, что именно 1689 г. ознаменовал окончательное размежевание между континентальным абсолютизмом и английской ограниченной монархией. С этого времени Англию стали считать образцом свободы и управления через процедуру одобрения [1. С. 13].

Можно долго спорить о том, сколько характерных черт необходимо для формирования абсолютизма. Но полезнее было бы определить, сколько «не абсолютистских» черт нужно обнаружить, чтобы снять с исторического явления ярлык абсолютизма. Данное утверждение не сводится к дискуссии о терминах. Можно было бы предположить, что если историко-правовой феномен описан верно, присвоенные ярлыки не меняют его сути. Однако опыт учит иному. Терминология имеет свою власть, и ассоциации, вызываемые ею, могут накалять обстановку, не обязательно порождая при этом свет. Марк Блок писал о неверных ярлыках, которые в конечном итоге обманывают относительно содержания. Что значит имя? Достаточно много, если оно искажает действительность.

Термин «абсолютизм» утверждался в историографии четырьмя основными способами. Несомненно, монархи стремились установить свою власть над пестрой мозаикой подвластных им территорий и учреждений, чтобы сосредоточить принятие решений в своих руках и обеспечить их исполнение. Что послужило для них импульсом?

Марксисты считали, что понятие «абсолютизм» полностью характеризует существовавшую социально-экономическую систему. Для них абсолютизм был механизмом, с помощью которого знатные землевладельцы угнетали крестьян [2. Р. 6–13].

Противоположная точка зрения представляет абсолютизм спланированным воплощением теории, а не результатом действия обезличенных сил. Эту модернизированную, действенную, целенаправленную и разумную версию монархии изобрели юристы, философы и епископы раннего Нового времени. Но поскольку теория постоянно использовалась для оправдания желаний монарха, вряд ли именно она служила побудительным мотивом. Более вероятным кажется то, что монарх использовал новые идеи при решении практических насущных задач, а не следовал грандиозному плану [2. Р. 14–17].

Третья распространенная концепция абсолютизма считает главным фактором его формирования практическую необходимость преобразований в стране, подчеркивая также роль войны и военной революции. Эти факторы обусловили складывание фискально-военного государства, приспособленного к ведению войны и к выживанию в мире безжалостного соперничества. Именно для этого нужно было вводить и собирать налоги, при необходимости обходясь без содействия пассивно сопротивлявшихся сословных представительств.

Четвертая версия абсолютизма акцентирует внимание на том, что увеличение перечня категорий имущества, облагавшиеся налогом, поощряло экономическое развитие. Торговля и промышленность находились в жестких тисках государственного регулирования, а фискальные цели, в свою очередь, требовали создания бюрократии, не использующей тактику саботажа, к которой зачастую прибегали властные группировки [2. Р. 18–24].

Однако ни один из описанных вариантов развития не предполагает абсолютизм. Соответствующий социальный порядок достигался благодаря работе сословных представительств, гильдий и городских корпораций. Новым элементом стало лишь центральное регулирование тех сфер жизни государства, где ранее действовала местная инициатива или просто случай. Попытки установить фискально-военное государство не требовали обращения к механизмам, которые традиционно связываются с абсолютизмом.

Одним из немногих суждений, которые с уверенностью можно вынести в отношении абсолютизма, является то, что в Англии его никогда не было. Миф об английской ограниченной монархии и континентальном абсолютизме укоренился очень прочно. Он берет свое начало в работах сэра Джона Фортеस्कью, относящихся к 1460-м гг. Именно Фортеस्कью несет ответственность за вечно популярную легенду о том, что в парламентах есть нечто специфически английское. Когда он впервые предложил эту идею, она казалась нелепой. Финансовая необходимость подталкивала государей учреждать по всей Европе консультативные ассамблеи, многие из которых успели обзавестись штатом постоянно действующих чиновников и комитетами, имевшими право выступать от имени представительств в перерывах между сессиями; они вотировали и взимали налоги и платили своим должностным лицам. У английского парламента таких преимуществ не было. Тем не менее Фортеस्कью объявил, что, поскольку английские короли обладали прерогативой (*dominium regale*), они находились в исключительном положении, нуждаясь в одобрении парламентом законов и налогов (*dominium politicum*) [3. Р. 6–8].

На протяжении XVI – начала XVII вв. англичане считали свой парламент единственным защитником прав, жизни, свободы и собственности. Правителю, который пользовался доверием своего народа, не нужно было отчуждать их собственность силой: они свободно отдавали ее на законные нужды монарха. В то же время они охотно признавали абсолютную власть короны в ее прерогативной сфере. В частично смешанной конституции королевская власть была представлена абсолютным монархом, который был не угрозой, а гарантом прав подданных.

Важные перемены в использовании англичанами слова «абсолютный» произошли во второй половине XVII в. На протяжении гражданских войн оно приобрело уничижительную окраску: абсолютная власть стала отождествляться с деспотизмом. Кроме того, это понятие загадочным образом стало страдать от отвращения англичан ко всему католическому. Карл I был связан с католической религией: его власть была отвергнута отчасти из-за католических ассоциаций [4. Р. 235].

После «Славной революции» 1688 г. склонность англичан не разрушать смешанную и абсолютную составляющие в их управлении исчезает. Теперь Англия официально становится смешанной, или ограниченной монархией, а абсолютная власть получает название «деспотизм». Большинство комментаторов скромно упоминали о той области государственной власти, которая принадлежала исключительно королю, – о прерогативе. Некоторые даже забывали о том, что такое прерогатива, и отождествляли ее с исключительными полномочиями в чрезвычайных ситуациях и не замечали, что большая часть правительств европейских государств все еще пользовались ею в ее первоначальном значении. Совершенное протестантами изменение смысла терминов стало катастрофическим для последующего осмысления анализируемой проблемы. Различие между властью, уважавшей права подданных, и властью, их попиравшей, исчезло навсегда.

В начале XVIII в. английская ортодоксия основывалась на том, что за последние 300 лет в стране ничего не изменилось. В 1701 г. сочинение Фортескью было переиздано под симптоматичным названием: «Различие между ограниченной и абсолютной монархией». События 1688 г. стали представлять новой точкой отсчета конституционной истории Англии и ее свобод не ранее 1730-х годов, и эта версия повторяется до сих пор [5. Р. 141].

Первоначальная интерпретация, впоследствии повторенная Э. Берком, отводит «Славной революции» роль простого корректирующего механизма. Политические мыслители выделяли различные составляющие смешанного правления. В Англии одни предпочитали называть таковыми короля, лордов и общины (смешение монархии, аристократии и демократии, к которому склонялись греки), другие – клир, лордов и общины, и лишь немногие (те, кто читал Монтескье) – исполнительную, законодательную и судебную власти. Таким образом, политические реалии подгонялись под заранее подготовленную престижную модель, а не модель под факты. В конце XVIII в. критики режима это поняли. И. Бентам спрашивал, не совмещаются ли в этой смеси только недостатки, а не достоинства ее компонентов, а Т. Пэйну казалась смешной ситуация, когда три разные корпорации стараются достичь гармонии, притесняя друг друга. Популярная характеристика Англии как страны со смешанной конституцией, тиражировавшаяся в XVIII в., целиком заимствована у Цицерона, наиболее влиятельного античного автора в период между Ренессансом и Просвещением. И все же историки права зачастую повторяют его так, будто бы оно основывается на эмпирических данных современной политической науки [5. Р. 144].

Большая часть разнообразных «измов» появилась в XIX в., и многие из таких терминов были созданы в духе уничижительной иронии. Важным было приклеить удобный ярлык к тому, что ты не одобрял. Период Реставрации, наступив-

ший после 1815 г., был временем реакции и жестких политических дискуссий. Мнения политиков резко поляризовались. На фланге «либерализма» находились приверженцы свободы печати, парламентской конституции и слабого клира. На другом – сторонники божественного права, наследственной монархии и союза между трон и алтарем. Абсолютная и разделенная власть, действовавшие рука об руку при *ancien regime*, теперь стали означать противоположные виды управления, поскольку воспаленное воображение историков права стремилось истолковать сущность государств раннего Нового времени в свете собственных азартных споров [5. Р. 149].

К 1850-м гг. абсолютизм прочно занял свое место в историографии. Вначале он служил для гротескного осмеяния тех автократических репрессий, которые происходили в действительности. В 1860-х гг. формирование абсолютизма совпало с другим явлением XIX в. – со складыванием национальных государств, обладавших большими армиями и современной бюрократией. Либералы справедливо полагали, что армия и бюрократия – столпы современного абсолютизма, а среди историков XIX в. преобладали именно либералы.

По сути, в концепции абсолютизма в том смысле, как он понимался до самого последнего времени, увековечена сделанная в XIX в. попытка назвать деспотическими абсолютные монархии раннего Нового времени. При этом наличие в Англии консультативных и прерогативных механизмов, и, соответственно, ограниченной и абсолютной стороны явления, зачастую игнорировалось. Однако XIX в. воспринимал абсолютную и ограниченную монархию только как альтернативные системы управления. Такая точка зрения стала фатальной для понимания периода, когда правительства не могли легитимно функционировать без использования обоих механизмов. Миф об абсолютизме произвольно выхватывал из контекста абсолютную сторону власти (на континенте) и ограниченную – в Англии. Тонкая политика раннего Нового времени была сведена к конфронтационным карикатурам.

В последние два десятилетия исследователи уловили суть проблемы. Она состоит в наложении современных стереотипов на прошлое, которое не было с ними знакомо или придавало им другое значение. В раннее Новое время абсолютные монархии совсем не походили на аристократии XIX в.: в них преобладал консультативный элемент, они были более конституционными и патриархальными. Пользуясь этими открытиями, в последние двадцать лет историки права попытались выявить изначальную концепцию абсолютизма, поскольку результаты исследований поколебали старую модель. В результате возникла грандиозная историографическая неразбериха. Понятие «абсолютизм» неотделимо от конфронтационной политики периода, когда оно воспринималось как обозначение особой системы управления. Оно навсегда стало слишком автократическим, слишком деспотическим и слишком бюрократическим, чтобы отразить всю сложную систему сдержек и противовесов старого порядка [1. С. 15].

Если применить иную метафору, то «абсолютистский» сценарий поздно исправлять: никакие вырезки или переписывания уже не смогут его спасти. Сохранять название «абсолютизм», изменяя большую часть его содержания – полумера, ведущая к непоправимым заблуждениям. Уже нет нужды далее продлевать ему жизнь. Потеряв своих автократов и бюрократов, свою теорию и практику, абсолютизм в его «традиционном» варианте должен просто уйти со сцены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в истории европейских монархий раннего Нового времени. – СПб., 2003.
2. Miller J. Absolutism in Seventeenth Century Europe L., Macmillan, 1990.

3. *Koenigsberger H. G. Dominium Regale and Dominium Politicum et Regale: Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe. L., 1975.*
4. *Daly J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-century England // Historical Journal, 1978, 21.*
5. *Dickinson H. T. Liberty and Property. Methuen, 1979.*

Клочков Виктор Викторович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге
E-mail: klochkov@tsure.ru

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44, тел. 31-14-27

Заведующий кафедрой теории права.

Klochkov Viktor Viktorovich

Taganrog Institute of Technology - Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education «Southern Federal University»

E-mail: klochkov@tsure.ru

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia, ph. 311-427

Head of the Department of Law Theory.

ББК 67.412

Ю.А. Клочкова

**КОМИССИЯ КАК ИНСТИТУТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

В последнее время в зарубежной науке международного права были предприняты попытки переосмысления места, роли и характера полномочий Комиссии в системе институтов ЕС. При этом обнаружилось, что состояние изученности проблемы на конкретном историческом и правовом материале далеко не отвечает современному уровню историко-правового обобщения. Попытка восполнить этот пробел нашла отражение в данной статье.

Европейская Комиссия, институты ЕС.

Y.A. Klochkova

COMMISSION AS AN EXECUTIVE INSTITUTION OF THE EU

Recently in a foreign science of international law the reconsideration of a place, a role and character of powers of the Commission in system of institutes of EU have been undertaken. It was thus found out, that the condition of a level of scrutiny of a problem on a concrete historical and legal material far does not answer modern level of history-legal generalization. Attempt to meet this lack has found reflection in given a article.

European Commission, EU Institutions.

В то время как Европейский парламент выражает интересы граждан Европейского союза (далее – ЕС), а совет – интересы государств-членов, Комиссия является представителем Сообщества как единого целого. Ст. 211 Договора, учреждающего Европейское сообщество (далее – Договор), возлагает на Комиссию обязанности по обеспечению надлежащего функционирования и развития единого рынка. Поскольку эффективность норм права Европейских сообществ зависит от их осуществления во внутригосударственной сфере, интерес представляет именно исполнительные полномочия Комиссии. Несмотря на то, что Европейские сообщества явились результатом межгосударственного сотрудничества, право Сообществ